

ДЭВИД ЛЕВИТАН
РЭЙЧЕЛ КОН

БЕСКОНЕЧНЫЙ
ПЛЕЙ-ЛИСТ
НИКА
НОРЫ

МОСКВА
2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Л36

NICK & NORAH'S INFINITE PLAYLIST

by Rachel Cohn, David Levithan

Copyright © 2006 by Rachel Cohn and David Levithan

Перевод с английского *Марии Кармановой*

Художественное оформление *Елены Окольциной*

В оформлении переплета использован кадр из фильма «Будь моим парнем на пять минут» («Nick and Norah's Infinite Playlist»): Entertainment pictures / DIOMEDIA.

Левитан, Дэвид.

Л36 Бесконечный плей-лист Ника и Норы / Дэвид Левитан, Рэйчел Кон ; [перевод с английского М. Кармановой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-109362-4

Ника только что бросила девушка. Забыть бывшую возлюбленную оказалось не так легко, поэтому Ник пытается вернуть ее. Он пишет для Трис песни, но той никогда особо не нравилась его рок-музыка.

Однажды после концерта в клубе Ник случайно сталкивается с Трис и ее новым парнем. Почувствовав себя уязвленным, Ник бросается к первой встречной с просьбой притвориться его девушкой на пять минут. Этой девушкой оказывается Нора, которая пришла в клуб, чтобы найти свою подругу и отвезти домой.

Ник и Нора даже не догадывались, что с этого неожиданно-го знакомства начнется череда невероятных встреч и приключений.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Карманова Мария, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109362-4

*Посвящается Марте
и настоящему Нику*

ПЛЕЙ-ЛИСТ БЛАГОДАРНОСТЕЙ

1. Тина Тернер — «The Best» (для Дженнифер Рудольф Уолш, Лизы Грубка и Кэти Глик)

2. Рэй Чарльз — «You Are My Sunshine» (для Алисии Гордон и Бари Зибрака)

3. Люсинда Уильямс — «2 Kool 2 B 4-Gottern» (для Лорен Скафариа)

4. Bell & Sebastian — «Wrapped Up in Books» (для Джека Мартина)

5. Принс — «Nothing Compares 2 U» (для Джо Монти)

6. Элвис Костелло — «Alison» (для Элисон Уортхе)

7. The Cure — «Pictures of You» (для Мелиссы Нельсон и Изабель Уоррен-Линч)

8. Луи Армстронг — «A Kiss to Build a Dream On» (для всех замечательных людей из издательства «Кноpf»)

9. The Beatles — «Paperback Writer» (для наших дорогих друзей-писателей)

10. Джули Эндрюс — «The Sound of Music» (для наших любящих родных)
11. Rufus w/ Chaka Clan — «You Got the Loce» (для Стефани и Эла)
12. Кайли Миноуг — «Can't Get You Out of My Head» (для Билли и Николичиуса)
13. Йенс Лекман — «You Are the Light (By Which I Travel into This and That)» (для Ника)
14. Келли Кларксон — «Miss Independent» (для Анны)
15. Q and Not U — «Wonderful People» (для Марты)
16. The Magnetic Fields — «How Fucking Romantic» (для Нэнси)

1

НИК

День начинается вечером. Для меня не существует ничего, кроме бас-гитары в руках и грохота в ушах. Дэв орет, Том размахивает руками как бешеный, а я — точен, как часовой механизм. Это я беру штуку, которая называется «музыка», и выстраиваю ее вдоль линии, которая называется «время». Я — ритм метронома, я — пульс, на мне в этот момент держится все. У нас нет барабанщика. Дэв скинул рубашку, Том раскачивается в такт движениям толпы. А я — у них за спиной, я — генератор. Я слушаю и не слушаю одновременно, потому что музыку, которую играю, я воспринимаю не умом — я чувствую ее всем телом. Все взгляды обращены на нас. Или, по крайней мере, так я все себе представляю — свет на сцене слепит глаза. Зал очень маленький, мы звучим ужасно громко, а я — басист-натурал, играющий в квиркор-группе, — стремлюсь заполнить все пространство во-

круг звуками аккомпанемента, пока Дэв не то поет, не то орет: «Трахнуть мужика / Трахнуть мужика / Как же я хочу / Трахнуть мужика». Я задаю ритм, я бью по струнам, я сотрясаю воздух всем телом, а мои пальцы четко держат аккорды. Я источаю пот, порочность и голод. Это освобождение — а может, лишь мольба о нем. Теперь Дэв завывает, а Том мечется, и, хотя мои ноги не двигаются с места, меня несет вперед. За стеной слепящего света люди раскачиваются, прыгают, наблюдают за тем, как Дэв засовывает в рот микрофон, не переставая выкрикивать слова. Я швыряю в них аккорды, я топлю их в своей музыке, я заставляю время звучать так громко, чтобы они все его услышали. Я сильнее слов, я больше коробки зала, где мы играем, а потом я вижу в толпе ее — и распадаюсь на части.

Черт, я же говорил ей не приходить. Она старательно отрывала от меня кусок за куском, но я упросил ее оставить хотя бы это. «Пожалуйста, не приходи на концерты. Я не хочу тебя там видеть». Она согласилась, и поначалу это не было ложью. Но в какой-то момент эти слова превратились в ложь, ведь вот же она, здесь, и мои пальцы промахиваются, восторг сходит на нет, внутри меня зреет желание сначала закричать, а потом попросту расплакаться — и все это происходит за несколько мгновений, которых мне хватает, чтобы разглядеть очертания ее губ. А потом я вижу — черт, только не это, — что она не одна, она с каким-то парнем,

и хотя сама она сказала бы, что пришла посмотреть на меня, я ни капли не сомневаюсь — она пришла, чтобы я посмотрел на нее. «Все кончено», — говорила она, и разве это не была величайшая в мире ложь? Я спотыкаюсь на каждой ноте, Дэв переходит к следующему куплету, а Том играет немного быстрее, чем следовало бы, так что мне приходится догонять — а она тем временем прислоняется к тому парню и покачивает головой, словно я играю для нее, хотя если бы мог, я бы заглушил все звуки до единого и подарил бы ей столько же тишины, сколько она принесла мне боли.

Я стараюсь не отставать от Дэва и Тома. Сегодня мы называемся The Fuck Offs, «Отбитые», но это новое название, и думаю, оно продержится еще концерта три, а потом Дэв придумает следующее. Мы уже побывали «Вчерашним порно», «Черными носовыми платками», «Мстительными парикмахерами» и «Не вашим делом». В общем-то, я не пользуюсь своим правом голоса — разве что для того, чтобы накладывать вето на самые тупые идеи Дэва. («Приятель, — пришлось однажды убеждать его, — никто не пойдет на группу под названием «Членоболь».) Дэв всегда не прочь добавить пирсинг и набить татуировку поверх старой. Он умеет найти подход к невымытым панкующим мальчишкам, которые приходят на наши концерты, еще не зная, что захотят познакомиться поближе с чуваком, спрашивающим у них в микрофон: «Боль-

шой ли у вас хрен вырос на огороде?» Дэв родом из города Лоди, что в Джерси, и, по-моему, это очень ему подходит, ведь Лоди — это же «идол», написанное задом наперед. Том из Саус-Оранжа, и последние два месяца он пишет свое имя через «h» — «Thom». Я из Хобокена — настолько близкого к центру, насколько это вообще возможно, не оказавшись в нем. В такие вечера, как сегодня, когда был шанс, что зрителями окажутся не только наши знакомые, я бы переплывал Гудзон, если было бы нужно, чтобы добраться до этого пещерного клуба. По крайней мере, пока сюда не явилась Трис — и я почувствовал, будто незримо для всех истекаю кровью на сцене.

«Возьми власть в свои руки / И трахни мужика, / Возьми власть в свои руки / И трахни мужика». Дэв поднимает эту песню до высоты, куда мы еще никогда не добирались: до четвертой минуты. Словно я достиг предела возбуждения и теперь жду, когда оно пойдет на спад. Том, похоже, добрался до кульминации соло — и ему там, как обычно, не слишком уютно. Я переминаюсь на месте, отворачиваюсь от нее, делаю вид, что ее здесь нет — и это самая на хрен смешная шутка, над которой я ухитрюсь не смеяться. Я пытаюсь привлечь внимание Дэва, который держится на краю поля зрения, но он не видит меня, потому что слишком занят — вытирает пот с обнаженной груди. Но вот наконец он ощущает всплеск энергии, достаточно

мощный, чтобы сыграть финал. И он с ревом выбрасывает руку вверх, а я, резко нагнувшись, выдаю последний аккорд. В ответ на нас обрушивается оглушительный гул толпы. Я пытаюсь расслышать ее голос, пытаюсь выделить ее высокую ноту среди криков и аплодисментов. Но она потеряна для меня — как в ту ночь, когда я плакал, а она даже не обернулась, чтобы узнать, что со мной. Три недели, два дня и двадцать три часа назад. И она уже с другим.

Следующая группа уже готова выйти на сцену. Хозяин клуба машет нам рукой, показывая, что время вышло. Я не настолько выбит из колеи, чтобы не чувствовать радости, когда толпа требует продолжения, разочарованно гудит, когда зажигается свет, чтобы всем было проще пробраться к бару. На этом концерте на меня свалили заботу о технике, так что пока Дэв прыгает в толпу в поисках самого впечатлительного поклонника, а Том, покраснев от смущения, отступает к своему приятелю, понимающему-но-эмо, мне приходится немедленно протрезветь, чтобы собрать наши вещички. Переключиться с аккордов на провода, с восторгов на усилители. Какой-то парень из следующей группы помогает мне принести чехлы из дальнего угла сцены. Но я не разрешаю никому касаться инструментов, я сам аккуратно укладываю их спать. Потом я предлагаю помощь следующей группе и, когда они соглашаются, с радостью по-

могаю им подключить технику к микшеру — иначе мне придется потратить все силы на то, чтобы не смотреть на нее.

Моя привычка выискивать ее в толпе никуда не делась. У меня по-прежнему перехватывает дыхание, когда я вижу ее, вижу, как свет подчеркивает ее красоту. Мое тело еще помнит, каково это — идти рядом с ней. Так что быть на расстоянии — а расстояние это все, что не прикосновение, — все равно что чувствовать себя отвергнутым. Мы были вместе шесть месяцев, и каждый месяц мое желание по-новому разгоралось от одного только ее присутствия. Слова *«Все кончено»* не могут этого отменить. Все песни, которые я мысленно сочинял, были для нее, и теперь я не могу заставить их не звучать в голове. Вечный плей-лист, который играет на фоне. *«Я устала»*, — сказала она, и я ответил, что устал тоже и думаю, нам нужно немного передохнуть. И тогда она сказала: *«Нет, я устала от тебя»*, и я соскользнул в сюрреалистическую, но существующую вселенную, где между нами все было кончено, но я никак не мог с этим смириться. Ее больше не было *«здесь»*, не было рядом.

Аккуратно укладывая оборудование и инструменты, я держусь спиной к толпе. Потом наступает момент, когда продолжать так стоять уже нельзя, потому что если слишком долго пялиться в стену перед собой, рано или поздно почувствуешь себя идиотом. Меня спасает следующая группа, кото-

рая выкручивает громкость еще сильнее, и вскоре все погружается в прекрасный хаос. Они называются Are You Randy?¹, а их солист реально поет, а не завывает и не пытается изображать подобие Ramones. Я осмеливаюсь бросить взгляд в толпу — ее больше не видно. Там вообще не так уж много девушек — я вижу целый океан парней, которые прижимаются друг к другу, врезаются друг в друга, пока солист рассказывает им о том, как устроен мир, воплощая его в перепутанных обрывках композиций «I want you to want me», «Blue Moon» и «All Apologies».

Мне приходит в голову, что Трис наверняка понравится эта группа, и тот факт, что я это понимаю, снова ранит меня, потому что теперь все знания о том, что ей нравится, совершенно бесполезны. Интересно, кто этот парень? Интересно, были ли они знакомы три недели назад? Три дня назад? Я рад, что почти не разглядел его, потому что теперь представляю их голыми. А теперь я представляю голой ее, и это такое живое, осязаемое воспоминание, что я невольно шевелю пальцами, желая ее коснуться. Я поворачиваю голову, будто и правда смотрю на нее, и вижу, как Том и его бойфренд, Скот, страстно целуются в такт музыке, словно, кроме них, в мире никого нет. Дэв, полагаю, еще в баре — продолжает выступление. Мы несовершеннолетние, но здесь

¹ «Тебя зовут Рэнди?»